

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/23062061/32/7

КНИГА Ю. ВЭЛЛЫ «ПОГОВОРИ СО МНОЙ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ: КОМПОЗИЦИЯ И АРХИТЕКТОНИКА

Николай Сергеевич Чижов¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, n.s.chizhov@utmn.ru

Аннотация. Представлено исследование композиции и архитектоники четвертой книги лесного ненца Ю. Вэллы с точки зрения художественного единства входящих в ее состав прозаических и стихотворных текстов. С учетом этнокультурных особенностей книготворческой практики поэта интерпретируются кольцевая композиция книги, широкое жанровое разнообразие входящих в нее произведений, числовая символика в структуре художественного целого, отсутствие открытого ценностного противопоставления «своего» и «чужого» миров, характерного для предшествующих книг автора.

Ключевые слова: этнопоэтика, культурная традиция, композиция, прозаическая поэзия, архитектоника, ценностный мир, стратегия книготворчества

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00503\20 «Модернизационный вызов в литературе Сибири».

Для цитирования: Чижов Н.С. Книга Ю. Вэллы «Поговори со мной» как художественное целое: композиция и архитектоника // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 113–129. doi: 10.17223/23062061/32/7

BOOK PUBLISHING

Original article

YU. VELLA'S BOOK *TALK TO ME* AS A STYLISTIC HARMONY: COMPOSITION AND ARCHITECTONICS

Nikolay S. Chizhov¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, n.s.chizhov@utmn.ru

Abstract. This study of the composition and architectonics of *Talk to Me*, a poetry and prose book by Yuri Vella, aims to reveal the stylistic harmony of the texts brought under one cover, taking into account the system of values and mythopoetics of works by Vella, a Nenets author. For this purpose, I brought archetypal dominants of the Nenets cultural tradition up to date based on ethnographic, historical, and philological scientific sources. Research on the theory and analysis of book-making in Russian poetry by M.N. Darwin, Yu.B. Orlitskii, I.V. Fomenko, O.V. Mirosnikova, and others became a methodological basis for the study. I argue that the prosimetric nature of the book-making practice by Vella was determined by the ethnocultural characteristics of his artistic thinking and his experience in mastering Nenets folklore in prosaic and poetic form through the mediation of his grandmother Nenga. I identified the following compositional and genre features of Vella's fourth book: (a) a wide variety of text types (traditional prosody and vers libre, flash fiction and small stories in prose, translations and ethnographic works by the author, etc.); (b) polylingual design of the series of publications under the same name with programmatic texts translated into the main European languages; (c) the circular structure of the book with the title and the final story called "Talk to Me"; (d) thematic titles which build up the semantic space of "our" world; (e) the stylistic harmony and triptychs of the book are characterized by number symbolism which is typical of the Nenets mythology. I argue that all these structural components express the mythopoetic picture of the world and the poet's "circular way of thinking" in the context of his traditional national culture (see "The Highest Form of Harmony"). Moreover, the book under consideration does not prioritize the assertion of the values of "our" world under the threat of losing its national identity as a result of globalization in the Soviet and post-Soviet period (books *News from the Camping Ground*, *White Screams*, *Triptychs*). It rather considers the phenomenon of the Nenets culture and the spiritual experience of its highly respected representative as internationally significant socio-humanistic phenomena. Therefore, Vella positions the book *Talk to Me* as a space for an interethnic dialogue aiming to actualize universal human spiritual values and preserve the uniqueness of one of the small-numbered peoples of the Tyumen North.

Keywords: ethnopoetics, cultural tradition, composition, prosimetrum, architectonics, value-based world, strategy of book-making

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00503\20.

For citation: Chizhov, N.S. (2023) Yu. Vella's book *Talk to Me* as a stylistic harmony: Composition and architectonics. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 113–129. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/7

Юрий Вэлла (1948–2013) – ненецкий поэт, известный в России и за ее пределами представитель литературы одного из коренных малочисленных народов Обь-Иртышского Севера. Художественное наследие поэта составляет восемь книг стихов и прозы, написанных на русском и ненецком языках.

Выпускник Литературного института им. М. Горького (1988 г.) Ю. Вэлла целенаправленно придерживался книготворческой стратегии художественного письма, позволяющей более объемно выразить авторский мироз образ в этнокультурной перспективе. Причем все книги, начиная с «Вестей из стойбища» (1991 г.), он создавал как сложные макроструктурные образования монтажного типа, которые могут композиционно совмещать силлабо-тонические и тонические стихи, малую прозу и прозаические миниатюры, ненецкий фольклор и этнографические исследования территории Обь-Иртышского речного бассейна.

Важным в свете сказанного является замечание критика М.Н. Мельникова о синкретичности избранной Ю. Вэллой художественной формы: «Это не эссе, не коллаж, тем более не рассказ, не поэма, а нечто самобытное, идущее от ненецкого фольклора, своеобразный “слепок” народной души, по-детски светлой, наивной, ранимой и по-стариковски мудрой одновременно» [1. С. 31]. В предисловии к книге «Белые крики» Ю. Вэлла самостоятельно пытается осмыслить прозиметрическую природу своего творчества. Причем поэт начинает с сожаления, что ненецкий народ в силу исторических обстоятельств потерял «лучших сказителей» и фактически замолчал, вспоминает об особой заслуге родной бабушки Ненги в сохранении этнического фольклора в роду Айваседа, представителем которого он является. Однако бабушке поэта, в силу незнания языка внуками, на котором исполнялись «вести <...> плачи, песни» [2. С. 5] под народную мелодию или в форме стихов-наговоров, приходилось пересказывать содержание сказок на разговорном ненецком языке, понятном маленьким слушателям. Именно по этой причине, предполагает поэт, его творчество представляет собой «смесь прозы со стихами. Трезвые прозаические куски как бы дополняют, разъясняют более эмоциональные поэтические строки» [2. С. 8].

В рамках статьи остановимся на исследовании композиции и архитектоники четвертой книги Ю. Вэллы «Поговори со мной» (2004 г.), которая в его книготворческой практике занимает особое место. В интервью 2008 г. поэт назвал ее «самой лучшей своей книгой <...> по внутреннему содержанию», позволяющей читателю, вместе с «Азбукой оленевода», сформировать целостное представление о его творчестве [3]. Немаловажным структурным компонентом книги является полилингвальное оформление: помимо текстов на ненецком и русском языках как основных, печатаются переводы некоторых из них еще на один язык. В зависимости от последнего существуют несколько вариантов издания книги, выпущенных с 2004 по 2013 г.: на сибирско-татарском, хантыйском, английском, французском и других языках¹. Также отдельные варианты книги различаются еще и некоторыми текстуальными дополнениями, не вносящими существенных изменений в композицию и архитектуру книжной макроструктуры. Например, в пятом варианте, в отличие от второго, наличествуют «Правила для будущего оленевода (7х7)» [4. С. 112–114], которые содержательно и композиционно примыкают к триптиху «Азбука оленевода». Этот книготворческий эксперимент, призванный познакомить широкую читательскую публику с культурой ненецкого народа и творчеством его представителя, выделяет книгу «Поговори со мной» в наследии поэта. Хотя стоит заметить, что первый опыт публикации Ю. Вэллой книги с текстами на русском и одном европейском языках датируется 1996 г. Речь идет о книге «Белые крики», где все художественные тексты, за исключением двух триптихов, были опубликованы на русском и французском языках.

Книга как художественное целое, в отличие от сборника, собрания сочинений, антологии, является не просто совокупностью самостоятельных произведений одного или нескольких жанров, объединенных общностью темы, принадлежностью одному автору, хронологической последовательностью расположения в издании, а сложноорганизованной системой, где взаимодействие отдельных текстов образуют принципиально «новое качество целого» [5. С. 96]. В большинстве исследований по рассматриваемой проблематике подчеркивается особая коммуникативная природа книги, поскольку она воплощает мирообраз и мироотношение автора [6. С. 18] (в других вариантах – мировидение [7. С. 28], мировосприятие [8. С. 6] и т.д.). Но вместе с тем, книга одновременно, как заметил М.Н. Дарвин, является способом выражения «читательского

¹ В статье проводится анализ книги «Поговори со мной» (второй вариант) с переводами отдельных текстов на французский язык (г. Нижневартовск, 2004 г.).

восприятия» [5. С. 96]. И во многом от сотворческой активности последнего зависит, сможет ли книга раскрыть себя как художественной целое или останется эстетическим пространством относительно самостоятельных текстов [9. С. 10–11].

В соответствии с научной традицией, идущей от М.М. Бахтина, принято различать композиционные и архитектурные формы организации художественного высказывания. Первые, если воспользоваться определением В.М. Жирмунского, относятся к структуре «словесного материала», что «поэтом подчиняется формальному заданию, закономерности и пропорциональности расположения частей» [10. С. 436]. Вторые образуют структуру эстетического объекта и представляют собой «не случайное расположение и связь конкретных, единственных частей и моментов в завершенное целое» [11. С. 70]. Сотворческое постижение и ценностное утверждение эстетического целого осуществляются читателем с «внежизненно активной» позиции в виде художественной формы как строя и порядка, организующего «составные элементы содержания» [12. С. 24].

Наряду с элементами структурно-семиотического подхода при исследовании книготворческих практик в русской литературе XX в. ученые-гуманитарии обращаются к опыту рецептивной эстетики и современной герменевтики. Так, О.В. Мирошникова использует подход, «включающий последовательность логико-аналитической и дивинационной “операций” анализа книги как образного целого». В результате коммуникативное событие сотворческой встречи «читателя и создателя образного мира» в научной рецепции ученого предполагает «первоначальное интуитивное определение жанрово-текстовой специфики книги и доминирующих носителей ее целостности» [6. С. 18].

Для нас также важно, что методология герменевтического анализа литературных произведений позволяет учитывать при исследовании книги как художественного целого культурную традицию, к которой принадлежит творчество автора: «...тот, кто хочет понять, связывает себя с предметом, о котором гласит предание, и либо находится в контакте с традицией, изнутри которой обращается к нам предание, либо стремится обрести такой контакт» [13. С. 79]. В идеале, по Г.-Г. Гадамеру, «такой контакт» должен представлять собой «непредвзятое слияние с преданием» [13. С. 80]. В то же время исследователь указывает на невозможность «беспроblemной и само собой разумеющейся» слитности интерпретатора и предания, характерной «для непрерывной традиции» [13. С. 81]. На разницу между преданием, «созвучным собственному типу культуры исследователя, либо, наоборот, вполне чуждым ему»,

обратил внимание И.А. Есаулов. В последнем случае, как отмечает ученый, «вряд ли возможно “самоузнавание”, а тем более “слияние” с преданием». Однако актуализация последнего как необходимого условия «понимания в гуманитарных науках», считает И.А. Есаулов, должна начинаться «с исследовательской рефлексии по поводу типа культурной традиции – с авторитетной для этой традиции архетипической системой ценностей» [14].

Современные исследования этнопоэтики художников слова с Ямала и Югры выявили следующие «бытийные доминанты», служащие «интеграторами значительных ансамблевых форм» в ненецкой и хантыйской литературах: «...число и вечность, круговорот и творение, род и вера, путь сквозь хаос», образующие «национальный ценностный космос» [15. С. 23] в произведениях Е. Айпина, Ю. Вэллы, А. Неркаги и др.

Полное заглавие книги, представленное на форзаце, выглядит следующим образом: «Поговори со мной. Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу» [16. С. 1]. Первому адресату соответствует посвящение книги «бывшему студенту, ныне замечательному профессионалу, хирургу Геннадию Семеновичу Бородину и студентке-заочнице, младшей медсестре Насте» [16. С. 1]. К объяснению причин этой адресации автор обращается в предисловии, где вспоминает о часто снившемся сне, в котором он среди других студентов стоит возле двери институтской аудитории и боится войти, поскольку там принимают экзамен: «Вероятно, остался у меня “хвост” – незачет. Вот и хочу таким образом вернуть своему институту должок – своего рода курсовую работу, – книгу для студента» [16. С. 6]. Конечно, приведенное объяснение не преследует цели раскрыть во всех деталях авторский замысел и дать исчерпывающую смысловую характеристику книги.

Однако, с точки зрения обозначенной адресации, книга имеет очевидную дидактическую направленность и призвана передать духовный и жизненный опыт от старшего к младшему поколению представителей ненецкого народа в соответствии с этнокультурной традицией. Как известно, любая традиционная модель воспроизведения и передачи знаний и умений по своей природе является дидактической. Отсюда характерны для ненецкого фольклора жанры загадки, поговорки и т.д., ср.: «Загадки мои (загадки от Татвы)», «Азбука оленевода», включающая поговорки, арифметику и «Кое-что из сакральной азбуки» [16. С. 72–75]. В данном контексте стоит рассматривать «комментарии для перевода» ненецкого рассказа и авторское предложение попробовать читателю себя в качестве переводчика «Ненецкого триптиха». Причем поэт, как в школьных

или вузовских учебниках, отводит специальное для этого место в книге [16. С. 41]. Однако дидактическая интенция не является довлеющей над реципиентом, она сглаживается установкой на духовное, сотворческое взаимодействие сознаний автора и читателя, в некотором роде на разговор по душам с целью приобщения слушателя к вековечной культуре северного народа. Последняя сохранилась не только в сказках, загадках, легендах, быличках, что рассказывала внуку бабушка Ненги, но и в психологии, мировосприятии и художественном мышлении поэта, лесного ненца, жившего с семьей на стойбище в бассейне реки Аган.

Опосредованно с первой частью заглавия связана еще одна проблема книги, обозначенная поэтом в интервью, а именно проблема невозвращения большинства девушек-ненок, в отличие от мужчин, после учебы в интернате и вузе на стойбище: «В конце книги я поместил итоговый рассказ, где молодой человек из города (видимо, ездил за продуктами), возвращается на стойбище и по дороге встречает *девушку, которая едет в город на учебу*. Между ними проскакивает некая искра, вспышка, и я оставляю читателю надежду, что в этот раз всё должно быть благополучно, что, окончив заведение, она вернётся в оленеводческую семью» [3]¹. С точки зрения предмета нашего исследования, рассказ интересен тем, что его заглавие совпадает с заглавием всей книги и композиционно занимает сильную позицию, поскольку является заключительным художественным текстом в структуре эстетического целого. Можно даже говорить о наличии в некотором роде композиционного кольца, где началом выступает заголовочный комплекс, включающий обложку и форзац с посвящением, а концовкой, закругляющей композицию художественной макроструктуры, – переведенный автором с ненецкого языка рассказ «Поговори со мной». Остановимся на его композиции и архитектонике.

В рассказе присутствует композиционное кольцо: начинается и заканчивается он мысленным диалогом девушки-ненки и молодого человека-оленевода, случайно встретившихся «посреди тундры». Причем мысленный диалог, в соответствии с представлениями древних ненцев, как следует из эпиграфа, является не менее реальным, чем обычное вербальное общение: «Изрекли старцы издревле: “Мысленное Слово, про-

¹ Данная тема открыто разворачивается в рассказе «Ожидание (Из Канинской тетради)» [16. С. 80–83], где биографический герой ждет приезда одноклассницы, которая двадцать четыре года назад уехала учиться в педучилище, вышла замуж и осталась жить на большой земле, и косвенно в стихотворном тексте «Снегопад» как художественном переводе с ненецкого «Веременко Елены – студентки 1 курса Нижневартковского государственного педагогического института» [16. С. 39].

изнесенное с уверенностью, как слово, произнесенное вслух» [16. С. 123]. Подобный разговор в рассказе Ю. Вэллы становится духовным общением молодых людей, переживающих зарождающееся любовное чувство. Показательным является образный строй мысленной речи героев, выражающий психологизм и мировосприятие северного народа посредством актуализации традиционной связи человека с природным миром: «Взгляд твой затронул мою душу! Словно от спячки проснулся я! Словно рыба на истоке реки обсохшая, сердце мое испуганно хвостом о песок бьется! Вот и какую-то ерунду сказал! Одновременно хочу прикоснуться к тебе или убежать!». Напротив, условно реальный диалог молодых людей, находящийся в композиционном центре рассказа, по понятным причинам не отличается образностью, поэтичностью и затрагивает вполне обыденные, повседневные темы, характерные для разговора незнакомых людей.

Невозможность актуализировать в реальной жизни любовное единение, что возникло в мысленном диалоге между молодыми ненцами, как потенцию семейного счастья (а семья у малых народов Севера – это прообраз гармонии, всеобщего единства, Космоса) образно воспроизводится автором в виде эсхатологической картины мира: «Словно одну ладонь надвое разорвало, метель-вихрь меж *вас* всю планету вывернул наизнанку!» [16. С. 123–124]. Выворачивание наизнанку – известный мифологический мотив перехода в потусторонний (загробный) мир, который в ненецкой мифологии именуется нижним. Мифопоэтическая же соразмерность макрокосма и микрокосма предполагает, «во-первых, что структура сознания должна повторять структуру космоса, и, во-вторых, что сознание должно структурироваться по тем же самым принципам, что и космос» [17. С. 191–192]. В этом плане особое значение обретает мотив ладони, поскольку включается в ряд антиномичных значений, образующих на мифотектоническом уровне смысловое пространство рассказа. С одной стороны, образ является символом разрыва нераздельных частей одного духовного целого, сплоченного узами любви, что равносильно погружению мира в Хаос, с другой – гармонии, упорядоченного Космоса и восстановленной целостности. Призывом девушки-ненки протянуть оленеводу в мысленном диалоге ладонь, чтобы прикоснуться к руке возлюбленной, заканчивается рассказ:

– Что-то со мной происходит! Я этого не ожидал! Одновременно и смел и робок...

– И я!..

– Так хочется прикоснуться хотя бы к кончику твоего пальца!

– Так протяни свою ладонь! [16. С. 124]¹.

Мотив ладони, как и внутренний диалог, является элементом кольцевой композиции рассказа, поскольку, наряду с образным выражением разрыва и единения влюбленных, знаменует начало их духовной встречи: «Посреди тундры встретились две упряжки... *С протянутой ладони твоей скатилось мысленное Слово*» [16. С. 123]. В свою очередь композиционное кольцо прочитывается как внешнее выражение архисюжета инициации (погружения/выворачивания в потусторонний мир с последующим *возвращением*/воскресением «сквозь хаос»), входящего в систему «бытийных констант» [15. С. 23] культуры малых народов Севера. В то же время композиционное кольцо всей книги и ключевого рассказа, давшего ей заглавие, можно интерпретировать с точки зрения доминанты художественного мышления поэта, отрефлексированной им самим в образе круга: «Мой мозг отказывается воспринимать прямую, уходящую в бесконечность, или арифметическую прогрессию. Мне кажется, что где-то там конец должен быть. *А круг – вот он, я его вижу*, осознаю, что это одна из форм бесконечности...» [16. С. 31]. Вообще, у северных народов круг имеет многозначную символику: начиная с круговой организации жилища (чума) и кочевья оленей и заканчивая вечным кругооборотом жизни, когда существование человека, зверей и птиц вписывается в бесконечный процесс перехода «из одного состояния в другое», основанного «во многом на уходе-возвращении» [18. С. 161]. Другими словами, круг является символом предвечного Космоса, «своего», родного пространства, сотворенного богами, где человек живет гармонично с природным миром.

Приведенное высказывание поэта о круге размещено в начале книги «Поговори со мной» как реплика биографического героя в диалоге с гостями и друзьями о проблеме «наивысшей формы гармонии». Свою формулу гармонии поэт представил в виде триптиха, который бы он изобразил, если бы был художником, где, наряду с кругом в левом углу,

¹ Отметим, что образ вывернутого наизнанку мира, планеты является лейтмотивным в творчестве Ю. Вэлла. Впервые этот образ появляется в стихотворном тексте «Политический разговор» и символизирует воцарившийся Хаос в мире. Связано это с тем, что в мифическом восприятии Деда поэта понятия, образующие политический дискурс 1980–1990-х гг. («Партократия», «Перестройка», «Инфляция», «Демократизация», «Межнациональные отношения»), наделяются антропоморфными качествами и выражают экспансию «чужого» мира на «свое» жизненное пространство с нивелированием характерных для него традиционных ценностей и верований: «Оказываясь, / Они создают / Для наших детей / Мир, *вывернутый наизнанку*» [2. С. 63].

размещен Хаос в правом, а в средней части, центральной, – «Дворец бракосочетания, перед дворцом толпа свадебная, и над толпой в центре возвышается голова Невесты. Невеста выше всех на целую голову!» [16. С. 31]. В триптихе поэта воплощается мифологическая картина мира ненецкого народа, основу которой составляют представления о Космосе и Хаосе. Причем поэтом «констатируется» возможность «активизации процесса перехода из одного» [18. С. 155] бытийного состояния мира в другое, поскольку «все заканчивается хаосом и все начинается с хаоса» [16. С. 31].

Центральное место в триптихе Ю. Вэллы, символизирующее гармонию и стабильность жизни кочевника, занимает молодая женщина, готовящая стать женой. Жена, как известно, для ненца – это и родной, близкий человек, это и источник продолжения рода, это и соратник (партнер) в кочевой жизни, от здоровья и физической активности которого зависит сохранение «семейной энергии» [19. С. 40] и благосостояния рода. Неслучайно поэт в уже упоминавшемся интервью назвал первый самый важный поступок в своей жизни – «я правильно женился» [3]. Однако не только счастливую семейную жизнь символизирует возвышающаяся над толпой голова Невесты в воображаемом триптихе Ю. Вэллы, но и всеобъемлющую Любовь ко всякой другой женщине, «своей» земле, роду, природному миру. Все эти компоненты «наивысшей формы гармонии» утверждаются в заключительном рассказе книги «Поговори со мной».

Кроме того, обращает на себя внимание выбивающаяся из общепринятой практики повествования форма личностной репрезентации героев нарратором, когда происходит преодоление объектного их изображения в уже свершившемся прошлом-настоящем как бы индивидуально-личным обращением «здесь и сейчас» («твоей», «вас», а не ее, их). Можно предположить, что такой тип художественного высказывания восходит к фольклорно-ритуальной традиции устного повествования, сохранившего элементы субъектного синкретизма: рассказчик становится третьим участником (непосредственным очевидцем, наделенным внежизненной активностью, возможно, шаманом) описываемого события, отсюда его повышенная эмоциональная вовлеченность. Зрители же, а в нашем случае – каждый читатель, желающий «послушать ненецкую душу» [16. С. 2], уподобляются героям во вневременном обращении автора, разыгрывающего на их глазах предвечную историю гибели и возрождения Космоса.

Исходя из методологии исследования книготорчества, согласно которой в основе книги как художественного целого лежат «авторские ми-

рообраз и мироотношение» [6. С. 18], с нашей точки зрения, Ю. Вэлла воплощает этнокультурное мировосприятие поэта в соответствии с моделью рассмотренного выше триптиха гармонии. В том числе эта модель реализуется на уровне композиции книги, в частности, ее кольцевой организации как текстуального выражения «кругового мышления» поэта, соответствующего жизненной «установке: “внутри – теплое стойбище мое”» [18. С. 153]. Пространство «своего» мира в четвертой книге Ю. Вэллы оформляется в таких мотивно-тематических комплексах, зафиксированных в заголовках текстов, как 1) извечный годовой кругооборот природного времени («Снегопад», «Первый снег», «Утром», «Вечером у очага» и др.); 2) традиционный уклад жизни современного ненца-оленевода на стойбище или в период кочевья («Загадки мои (загадки от Татвы)», «Азбука оленевода (триптих)», «Телесеанс», «Вечером у очага», «Ожидание», «Охота на лебедей»); 3) этногеографическое описание родной земли и ненецкий фольклор («Топонимический словарь (бассейн реки Аган) (фрагменты)», «Словарь», «Автобиография» «Ненецкий триптих», «Побывальщина Ойси»); 4) любовь к женщине, родному краю, природе, оленям («Сказание о любви (триптих)», «Ожидание» (из канинской тетради)», «Поговори со мной»); 5) поиск и утверждение гармонии, а также сохранение этнокультурных традиций и ценностей в быстроменяющемся современном мире («Наивысшая форма гармонии (побывальщина)», «Азбука для оленевода (триптих)»).

Структурообразующее значение в книге «Поговори со мной» как авторском мирообразе имеет характерная для творчества Ю. Вэллы числовая символика. Речь идет о традиционных для мифологии ненцев числах три и семь. Ярким примером числовой символики является триптих «Азбука оленевода»: все три входящие в него произведения соответственно содержат три по семь, два по семь и один по семь пунктов правил и законов жизни оленевода в тундре: «1. Поговорки оленевода (3×7); 2. Арифметика для оленевода (2×7); 3. Кое-что из «Сакральной азбуки» (1×7)» [16. С. 72–76]. Известно, что три в самодийских верованиях «обозначает мироустойчивость и завершенность, это число постоянно встречается в мифах и фольклоре ненцев (три чума, три стойбища, три ручья, трехкрылый ястреб, три испытания и т.д.)» [18. С. 161]. Семеркою же, как показал А.В. Головнев, «счисляется ненецкий пантеон»: «...жертвенники, сядай, дети богов, чумы, нарты, костры, четверти лунных периодов, количество слоев мерзлоты и неба, число остановок в пути, кратность жизни и смерти». Также, отмечает ученый, в корневой основе ненецкого слова *си'ив*, обозначающем семерку, содержатся такие значения, как «священная сторона чума, верхнее дымовое окно, отвер-

стие – вход-выход, целый ряд образов предков и обитателей потустороннего мира» [20. С. 493].

Более детальный анализ композиции книги показал, что в ее основе также лежат числа семь и три: круговая структура, описанная выше, состоит из трех равных частей, а именно *три по семь* <текстов>. Причем каждый текст является либо триптихом, т.е. в свою очередь состоит из трех композиционных элементов, либо отдельным стихотворением или рассказом. Единственное исключение – ранее изданная поэтом книга «Охота на лебедей (диалог), которая входит в состав «Поговори со мной» как книга в книге. К обрамляющим композиционную конструкцию четвертой книги Ю. Вэллы относятся следующие тексты: «Сказание о любви (триптих)» [16. С. 7] (1 текст) – «Охота на лебедей (диалог). Книга в книге» (7 текст) [16. С. 42] – «Ожидание (Из Канинской тетради)» [16. С. 42] (14 текст) – триптих «Поговори со мной (история одного перевода)» [16. С. 116], включающий одноименный рассказ на русском языке (21 текст). Заметим, что все эти порядковые числа делимы на семь.

Таким образом, в книге «Поговори со мной» воплощается авторский мирообраз, несущий духовно-нравственные ориентиры представителя ненецкого народа. Примечательно, что отличительной особенностью четвертой книги поэта, выделяющей ее на фоне предыдущих книг, является практически отсутствие темы «чужого» мира (в том числе и мира нефтяников), что вторгается как хаотическая сила (стихия) во внутреннее пространство стойбищной жизни (упорядоченного Космоса). Хотя мирообраз в книге поэта нельзя считать замкнутым на самое себя: «чужой», большой мир дает о себе знать и в лейтмотивной теме невозвращения девушек-ненок из учебных заведений на стойбище, и в лирико-публицистических репликах поэта по проблемам: 1) ненужности современному государству оленеводов и других традиционных профессий; 2) возвеличивания чиновниками милитаристских ценностей; 3) воспитания в современных учебных заведениях солдат-роботов («Наивысшая ценность»), нацеленных только на борьбу с терроризмом, в том числе ценой своей жизни («Золотое Руно») [16. С. 86–90].

Причина этого видится в иной стратегии книготворческой практики, намеченной поэтом уже в середине 1990-х гг. Так, О.К. Лагунова обратила внимание, что эпиграф и тексты на русском, ненецком и французском языках в книге «Белые крики» (первое издание, 1996 г.) адресованы всему Миру, «способному слушать, воспринимать, понимать» [18. С. 152]. Исследователь объясняет авторскую позицию с точки зрения убеждения Ю. Вэллы, что, «на каком бы языке, в какой бы форме» ни изъяснялся его герой, «понятия любви, добра и зла, справедливости, но-

стальгии, измены, сложные взаимоотношения человека с человеком, человека с окружающим миром» присущи каждому на земле, как и жителю стойбища [2. С. 8]. Однако в структуре второй книги поэта центральное место занимает глава, в которой субъект изображения высказывается «либо о “чужом”, либо уходящем “своем”». Последнее интерпретируется О.К. Лагуновой как сущностная трансформация привычной картины мироздания, где «ядро (центр) сопряжено со “своим”, периферия – с “чужим”» [18. С. 153]. Другими словами, автору в первых книгах важно было не только представить «национальный ценностный космос» [15. С. 22], но и показать, как традиционный мир ненецкой культуры утрачивается, исчезает вследствие глобализационных процессов, сопровождающих нефтегазовое освоение Западной Сибири.

В книге «Поговори со мной» архитектура авторского мирообраза формируется не с точки зрения ценностного противопоставления «своего» и «чужого» миров, а с позиции утверждения самооценности ненецкой культуры и духовного опыта ее авторитетного представителя как значимых социогуманитарных феноменов общероссийского и мирового масштаба. Отсюда стремление поэта выстроить диалог с мировым культурным пространством путем последовательного включения в новые варианты книги переводов отдельных текстов на один из европейских языков.

Проведенное исследование композиции и архитектоники четвертой книги стихов и прозы Ю. Вэллы «Поговори со мной» было ориентировано на раскрытие структурных механизмов и ценностно-мировоззренческих оснований творчества ненецкого автора, обеспечивающих художественную целостность собранных им под одной обложкой текстов. В результате мы пришли к ряду выводов.

Во-первых, прозиметрическая природа книготворчества Ю. Вэллы обуславливается этнокультурными истоками художественного мышления поэта, в том числе детско-юношеским рецептивным опытом освоения прозаических и стихотворных компонентов ненецкого фольклора через посредничество сказителя – родной бабушки Ненги.

Во-вторых, книга Ю. Вэллы «Поговори со мной» занимает особое место и является во многом экспериментальной в книготворчестве ненецкого автора, поскольку включает, помимо прозы и стихов, фрагменты из топонимического словаря бассейна реки Аган, «Азбуку оленевода», стихи других поэтов и образует серию изданий под одноименным названием, содержащих переводы его программных произведений на основные европейские языки.

В-третьих, четвертая книга Ю. Вэллы как мирообраз художника воплощает индивидуально-авторскую мифопоэтическую картину мира и

«круговое мышление» поэта в контексте национальной культурной традиции (см. триптих в побывальщине «Наивысшая форма гармонии»). Их ценностное и образно-смысловое выражение происходит на уровне кольцевой композиции и архитектоники книги. В структуре последней была выявлена числовая символика, в частности традиционные для ненецкой мифологии цифры «три» и «семь». Так, на уровне организации текстуальных компонентов книги все произведения делятся на три равные части (три по семь) с идейно-содержательной акцентировкой на обрамляющих композиционную конструкцию художественных текстах.

В-четвертых, через систему заглавий прозаических и стихотворных текстов в книге «Поговори со мной» выстраивается смысловое пространство «своего» мира, обобщенное нами в виде следующих мотивно-тематических комплексов: календарный кругооборот времени; традиционный уклад жизни современного ненца-оленевода; ценностные и жизненные приоритеты представителя малочисленных народов Обь-Иртышского Севера; поиск гармонии и сохранение этнокультурных традиций и т.д.

В-пятых, в книге «Поговори со мной» приоритетным является не столько отстаивание ценностей «своего» мира перед лицом глобализации, вызванной нефтегазовым освоением Западной Сибири, сколько утверждение значимости в мировом масштабе ненецкой культуры и духовного опыта ее представителя как важнейших социогуманитарных феноменов, способствующих сохранению без утраты этнической идентичности общечеловеческих духовно-нравственных смыслов и ориентиров.

Список источников

1. Мельников М.Н. Вести из моего стойбища // Сибирские огни. 1988. № 10. С. 30–31.
2. Вэлла Ю. Белые крики. Книга о вечном. Сургут : Рекламно-издательский информационный центр «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз», 2000. 168 с.
3. Вэлла – поэт, оленевод, человек. Интервью Ольги Корниенко к 60-летию. URL: <http://jurivella.ru/wp/rus/вэлла-поэт-оленевод-человек/> (дата обращения: 10.06.2020).
4. Вэлла Ю. Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. 160 с.
5. Дарвин М.Н. Книга стихов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 96–97.
6. Мирошникова О.В. Специфика рецепции и анализа лирической книги // Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. Филологические штудии – 3 : учеб. пособие / отв. ред. О. В. Мирошникова. Омск : Наследие. Диалог-Сибирь, 2003. С. 16–22.

7. Барковская Н.В., Верина У.Ю., Гутрина Л.Д. Книга стихов как теоретическая проблем // Филологический класс. 2014. № 1. С. 20–30.
8. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 32 с.
9. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб. : НИИ химии СПбГУ, 1999. 281 с.
10. Жирмунский В.М. Композиция лирических стихотворений // Теория стиха. Л. : Сов. писатель, 1975. С. 433–538.
11. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. С. 69–264.
12. Тамарченко Н.Д. Архитектоника // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 24–25.
13. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Актуальность прекрасного / пер. с нем. М. : Искусство, 1991. С. 72–81.
14. Есаулов. И.А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pashalnyy-arhetip-v-poetike-dostoevskogo/viewer> (дата обращения: 10.06.2020).
15. Лагунова О.К. Введение // Проза А. Неркаги в контексте русскоязычной культуры последней трети XX века / отв. ред. С.А. Комаров, О.К. Лагунова. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2019. С. 6–31.
16. Вэлла Ю. Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу. Ханты-Мансийск : Приобье, 2004. 128 с.
17. Евзлин М. Космогония и ритуал. М. : Радикс, 1993. 344 с.
18. Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2007. 260 с.
19. Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
20. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 607 с.

References

1. Melnikov, M.N. (1988) Vesti iz moego stoybishcha [News from my camp]. *Sibirskie ogni*. 10. pp. 30–31.
2. Vella, Yu. (2000) *Belye krikhi. Kniga o vechnom* [White Screams. A Book about Eternity]. Surgut: Neft' Priob'ya, OAO Surgutneftegaz.
3. Vella, Yu. (2016) Vella – poet, olenevod, chelovek. Interv'yu k 60-letiyu [Vella – a poet, a reindeer herder, a person. Interview for his 60th birthday]. In: Kornienko. O. *Ukhodyashchaya natura: chto ostalos' za kadrom* [Departing Nature: What is Left Behind the Scenes]. [Online] Available from: <http://jurivella.ru/wp/rus/vella-poet-olenevod-chelovek/> (Accessed: 10th June 2020).
4. Vella, Yu. (2008) *Pogovori so mnoy: kniga dlya nenetskogo studenta i dlya togo, kto khotel by poslushat' nenetskuyu dushu* [Talk to me: a book for the Nenets student and for those who would like to listen to the Nenets soul]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.

5. Darwin, M.N. (2008) *Kniga stikhov* [A Book of Poems]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow: Kulagina, Intrada. pp. 96–97.
6. Miroshnikova, O.V. (2003) *Spetsifika retseptsii i analiza liricheskoy knigi* [The specificity of the reception and analysis of a lyrical book]. In: Miroshnikova, O.V. (ed.) *Kniga kak khudozhestvennoe tseloe: razlichnye aspekty analiza i interpretatsii. Filologicheskie shchudii – 3* [The book as an artistic whole: various aspects of analysis and interpretation. Philological studies – 3]. Omsk: Nasledie. Dialog-Sibir'. pp. 16–22.
7. Barkovskaya, N.V., Verina, U.Yu. & Gutrina, L.D. (2014) *Kniga stikhov kak teoreticheskaya problem* [A book of poems as a theoretical problem]. *Filologicheskii klass*. 1. pp. 20–30.
8. Fomenko, I.V. (1998) *Poetika liricheskogo tsikla* [Poetics of the Lyrical Cycle]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
9. Lyapina, L.E. (1999) *Tsiklizatsiya v russkoy literature XIX veka* [Cyclization in Russian literature of the 19th century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
10. Zhirmunskiy, V.M. (1975) *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad: Sovetskiiy pisatel'. pp. 433–538.
11. Bakhtin, M.M. (2003) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 69–264.
12. Tamarchenko, N.D. (2008) *Arkhitektonika* [Architectonics]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow: Kulagina, Intrada. pp. 24–25.
13. Gadamer, H.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo. pp. 72–81.
14. Esaulov, I.A. (1998) Paskhal'nyy arkhetyv v poetike Dostoevskogo. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 5. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/paskhalnyy-arhetip-v-poetike-dostoevskogo/viewer> (Accessed: 10th June 2020).
15. Lagunova, O.K. (2019) *Vvedenie* [Introduction]. In: Komarov, S.A. & Lagunova, O.K. (eds) *Proza A. Nerkagi v kontekste russkoyazychnoy kul'tury posledney treti XX veka* [Prose of Anna Nerkaga in the context of the Russian-speaking culture of the last third of the 20th century]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 6–31.
16. Vella, Yu. (2004) *Pogovori so mnoy: kniga dlya nenetskogo studenta i dlya togo, kto khotel by poslushat' nenetskuyu dushu* [Talk to me: a book for the Nenets student and for those who would like to listen to the Nenets soul]. Khanty-Mansiysk: Priob'e.
17. Evzlin, M. (1993) *Kosmogoniya i ritual* [Cosmogony and ritual]. Moscow: Radiks.
18. Lagunova, O.K. (2007) *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti veka (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi)* [The phenomenon of creativity of Russian-speaking writers of the Nenets and Khanty of the last third of the century (Eremey Aipin, Yury Vella, Anna Nerkagi)]. Tyumen: Tyumen State University.
19. Golovnev, A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Tundra Nomads: The Nenets and Their Folklore]. Ekaterinburg: RAS.
20. Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugric Peoples]. Ekaterinburg: RAS.

Информация об авторе:

Чижов Н.С. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.S. Chizhov, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.08.2021;
одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 13.06.2023*

*The article was submitted 06.08.2021;
approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 13.06.2023*